

Moskau // Archiv f. Anthropologie. Braunschweig, 1897; *Дервиз Д.В.* Черепа из старых московских могильников // Русский антропологический журнал. Т. XII. Вып. 3–4. М., 1923; *Трофимова Т.А.* Черепа из Никольского кладбища // Учен. зап. МГУ. Вып. 66. М., 1941.

¹⁵ *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974.

¹⁶ *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. I. М., 1950.

¹⁷ *Никонов В.А.* Указ. раб.

¹⁸ История Москвы. С. 150–155.

¹⁹ *Тихомиров М.Н.* Указ. раб.

²⁰ Там же.

²¹ *Алексеев В.П.* Происхождение народов...; *Алексеева Т.И.* Указ. раб.

Т.И. Алексеева, Н.В. Захарова. The ancient population of Moscow according to the anthropological and onomastic data

The anthropological and onomastic data, in combination with archival materials, make it possible to reconstruct the origin of the inhabitants of the early Moscow and, thus, to trace roots of migrations in medieval Russia.

© 1997 г., ЭО, № 6

В.А. Кучкин

МОСКВА: ОТ ПОГРАНИЧНОЙ КРЕПОСТИ ДО СТОЛИЦЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Когда речь заходит о средневековой Москве, в памяти невольно возникают запечатленные в художественных полотнах ее образы в древности: со рвами и валами, дубовыми крепостными стенами, резными кровлями высоких теремов, изящными маковками церквей, теснящимися друг к другу избами простых горожан. Эти яркие картины прошлой Москвы, имеющие, главным образом, эстетическое, но, впрочем, и некоторое познавательное значение, несомненно, должны строго корректироваться научной мыслью, основанной на всестороннем и беспристрастном изучении исторических фактов. Так, воображению художников XIX–XX вв. ранняя Москва представлялась небольшой и плотно застроенной, и на живописных полотнах первоначальный Московский Кремль изображался с примыкающими к нему городскими строениями. Однако проведенные недавно археологические исследования показали, что вблизи кремлевских стен в начале Ильинской ул., на Разинском спуске, в районе восстановленного Казанского собора, на пространстве от Большого Каменного моста до Театральной площади даже по прошествии нескольких десятилетий после постройки московской крепости простирались хлебные поля, которые позднее сменили огороды¹.

Сельский облик был присущ Москве изначально. Во всяком случае из сохранный летописью обращение суздальского князя Юрия Долгорукого к своему союзнику новгород-северскому князю Святославу Ольговичу: «Приди ко мнѣ, брате, въ Московъ»², где впервые упоминается Москва, нельзя с категоричностью заключить, что речь в обращении идет именно о городе, а не о селе.

Эти слова первого суздальского князя были хорошо известны уже историкам XVIII в. В 1793 г. была издана Воскресенская летопись, которая содержала подобную фразу³. Но только в прошлом столетии были обнаружены летописные памятники, в которых самое древнее известие о Москве читалось в наиболее первоначальном и полном виде. При работе над «Историей государства Российского» Н.М. Карамзину посчастливилось найти как Хлебниковскую летопись, представляющую собой пере-

писанный в XVI в. свод конца XIII в., а также отыскать еще более ранний список того же свода – Ипатьевский, написанный в 20-е годы XV в. Из Ипатьевской летописи и взято процитированное выше первое упоминание о Москве.

Хотя Юрий Долгорукий и приглашал в Москву новгород-северского князя, в московской встрече участвовали не только они, но и рязанский князь Владимир Святославич, за несколько месяцев до того лишенный своим дядей Ростиславом Ярославичем владений в Рязанском княжестве⁴. Речь, таким образом, шла об оформлении не двойственного, как обычно утверждается в научной литературе, а тройственного княжеского союза, направленного против другой княжеской коалиции – только что захватившего киевский стол князя Изяслава Мстиславича, сидевших в Смоленске и Новгороде его братьев Ростислава и Святополка, черниговских князей Владимира и Изяслава Давыдовичей, Святослава Всеволодовича, а также рязанского князя Ростислава Ярославича⁵. Тройственный союз имел целью возвращение Святославу Ольговичу его новгород-северских владений, а Владимиру Святославичу – рязанских. Юрий же Долгорукий рассчитывал вернуть себе на Юге Городец Остерский и занять киевский стол. Впоследствии всё так и произошло. Очевидно, скрепленный в Москве союз трех князей во многом предопределил политическое развитие русских княжеств в конце 40-х – первой половине 50-х годов XII столетия.

Описание княжеской встречи в Москве дано в Ипатьевской летописи под 6655 годом. Год этот – мартовский⁶. Ему соответствует 1 марта 1147 г. – 29 февраля 1148 г. современного летосчисления. Союзники любезно целовались «въ день пятаку в Похвалу святѣи богородици». Похвала святой богородицы – пятая неделя Великого поста, которая начиналась за 20 дней до Пасхи. В 1147 г. Пасха приходилась на 20 апреля, следовательно, тогда Похвальная неделя вела свой отсчет с понедельника 31 марта. Отсюда легко установить и число пятницы Похвальной недели. В 1147 г. она была 4 апреля. Названная дата и является древнейшей датой упоминания Москвы в письменных источниках, но отнюдь не датой основания города.

Из скудных летописных строк о Москве 1147 г. выясняется, что Москва в то время была достаточно известным пунктом. Во всяком случае находившийся в Лобынске при слиянии Протвы и Оки новгород-северский князь Святослав Ольгович хорошо знал, куда его приглашают. И хотя с беспорочностью из первого известия о Москве нельзя заключить, что она к тому времени стала городом, несомненно, что значительным населенным пунктом в 1147 г. Москва уже была. Во всяком случае, там можно было принять и разместить нескольких князей с их дружинами и организовать, несмотря на Великий пост, «обѣдъ силенъ», которым 5 апреля Юрий Долгорукий угостил своих союзников.

Второе по времени упоминание Москвы в письменных источниках рисует ее несомненным городом. Тверская летопись сообщает, что в 1156 г. «князь великий Юри Володимеричъ заложи градъ Москъву на устии же Неглинны, выше реки Яузы»⁷. Достоверность этого известия, вызывавшего сомнения таких крупных ученых, как П.Н. Милюков и С.Ф. Платонов⁸, в настоящее время может быть подкреплена не только более обстоятельным анализом летописных рассказов о событиях 1156 г. (он позволяет установить вероятность пребывания князя Юрия Долгорукого в Суздальском княжестве в январе – апреле или в июле – декабре 1156 г.), но и обнаружением в ходе возведения Дворца съездов в 1959–1960 гг. и археологических разведок 1979 и 1982 гг. в Кремле остатков вала и рва в слоях середины XII в. При этом выяснилось, что при постройке московской крепости применялась особая система крепления земляных валов – так называемая якорная, или хаковая (от польского hak – крюк)⁹. При строительстве в Суздальском княжестве в 1152 г. города Юрьева Польского и в 1154 г. города Дмитрова такая система не применялась¹⁰. Очевидно, в Москве был использован опыт крепостных строителей, знакомых с польской системой укрепления земляных валов, а таких военных зодчих Юрий Долгорукий мог найти на Юге или в западных русских княжествах тогда, когда стал в 1155 г. великим князем киевским.

Укрепление Москвы в 1156 г. осуществлялось в весьма прагматичных целях:

необходимо было обезопасить принадлежавшее Долгорукому Суздальское княжество от возможного вторжения черниговского князя Изяслава. Москва лежала всего в 60 км от принадлежавшей Чернигову Лопасни и примерно в 100 км от стоявшего при слиянии Протвы и Оки черниговского Лобынска. Да и от границ других государственных образований средневековой Руси Москва отстояла недалеко. Около 100 км отделяли ее от подвластной Рязанскому княжеству Коломны, столько же – от Волока Ламского, принадлежавшего Новгороду Великому, и от района Можайска, относившегося к Смоленскому княжеству. Таким образом, основание Москвы, вызванное конкретными перипетиями суздальско-черниговских отношений, целиком вписывается в общий процесс усиленного строительства пограничных крепостей в древнерусских княжествах во второй–третьей четвертях XII в. Этот процесс был обусловлен распадом державы Владимира Мономаха и суверенизацией выделившихся из нее владений сыновей и внуков Мономаха. Появление перечисленных выше соседних с Москвой городов-крепостей характеризует тот же процесс, только на пограничных с Суздальским княжеством территориях Рязани, Чернигова, Новгорода.

Для строительства града Москвы была выбрана юго-западная часть высокого водораздельного плато, простиравшегося от впадения в р. Москву р. Неглинки (в древности она называлась Неглимной) до современного Китайского проезда. Крепость была сооружена в самой высокой части этого плато – на Боровицком холме. Поэтому не случайно, что позднее именно здесь, у Боровицких ворот, располагались княжеский дворец и хозяйственные постройки, княжеские соборы и усыпальница, а кремлевские старожилы XV в. рассказывали, что и митрополичий двор с церковью первоначально стояли у этих же ворот. Размер Москвы XII в. был весьма скромен – около 3 га. Это был типичный малый город средневековой Руси.

Пограничное положение Москвы предусматривало определенную военную организацию ее населения. Речь идет о жителях не только города, но и всей городской округи. Сравнительно недавно удалось выяснить, что административно подчинявшаяся Москве территория простиралась по меньшей мере на 90 км от города, достигая современного Орехова-Зуева¹¹. Москвичи, образовывавшие особые военные отряды, участвовали в последовавшей за убийством князя Андрея Боголюбского междукняжеской борьбе за владимирский стол (1175 г.) и в сопротивлении Батыеву нашествию (1238 г.). Очевидно, военная организация возглавлялась воеводой. Имя воеводы Филиппа Нянка приведено в летописи при описании событий 1238 г. В мирное время такой воевода выполнял, очевидно, функции наместника в Москве великого князя владимирского, поскольку Москва в первые 100 лет своего существования относилась к территории великого княжества Владимирского. Первоначальный же центр Суздаль уступил свое место стольного города княжества Владимиру в 1157 г. с началом правления на Северо-Востоке Андрея Боголюбского.

Московским великокняжеским наместником следует признать боярина Кучко, косвенно упоминаемого в древних источниках. От его имени происходил второе название Москвы, зафиксированное в рассказе Ипатьевской летописи под 1175 г., где сообщалось о поездке больного сына князя Юрия Долгорукого Михалки «до Кучкова, рекше до Москвы»¹². Форма родительного падежа «Кучкова» ведет к форме именительного падежа «Кучково» или «Кучков». В научной литературе указывалась почему-то только первая форма именительного падежа и считалось, что Кучково – название села, которое предшествовало Москве. Существование последнего в трудах историков обычно согласовывалось с данными «Повести о начале Москвы» о селах боярина Кучки, на месте которых Юрий Долгорукий будто бы построил город. Но форма «Кучков» для укрепленной в 1156 г. Москвы является более корректной, поскольку Москва с того времени уже бесспорный город. Кучков – его второе название, происходящее от личного имени Кучек, или Кучко, но не Кучка, поскольку произведенный от такого имени топоним имел бы форму Кучкин (Кучкино). Летописные рассказы о приближенных к князю Андрею Боголюбскому лицах, составивших летом 1174 г. заговор против своего князя, свидетельствуют, что среди

них были «Петръ, Кучковъ зять» и «Якимъ Кучковичъ»¹³. Очевидно, Кучко – тесть и отец одновременно – существовал реально и, как его потомство, занимал высокое положение при дворе князя Андрея. Второе название Москвы – Кучков – может свидетельствовать не о владении им Москвой, а об управлении ею¹⁴. Не следует только переносить на этого реального Кучко те сведения о мифическом боярине Стефане Ивановиче Кучке, что содержатся в фантастической, написанной в XVII в. «Повести о начале Москвы». В ней даже утверждается, будто князь Юрий Долгорукий основал город в 1158 г., т.е. год спустя после своей смерти¹⁵.

Впрочем, наличие в Москве возглавляемой наместником-воеводой военной организации не помогло городу устоять перед лавиной монгольских войск. В январе 1238 г. Батый взял и сжег Москву, убив воеводу Филиппа Нянку. Следы разрушения и пожара города обнаружены археологами. В 1989 и 1991 гг. на территории современного Кремля (однако за стенами Кремля XIII в.) были найдены два клада драгоценностей, зарытых москвичами во время осады города Батыем. Это первоклассные вещи из серебра, но не из золота, как вкладах того же времени из Киева, Чернигова и Старой Рязани, бывших уже тогда княжескими центрами¹⁶.

Москва же стала княжеской столицей лишь в начале 60-х годов XIII в. Почему всего четверть века спустя после Батыева разгрома город превратился в резиденцию князя, тогда как в предшествовавший более продолжительный 82-летний период он этого статуса так и не достиг? Причина заключается в тех крупных демографических и экономических изменениях, которые повлекло за собой ордынское господство. Военные удары монголов по Владимиру, Суздалью, Ростову привели к оттоку населения из центра древнего Суздальского княжества на окраины, и во второй половине XIII в. происходит активный рост прежних периферийных городов – таких, как Тверь, Кострома, Нижний Новгород. К их числу относится и Москва. Археологи, фиксируя следы уничтожения Москвы Батыем, отмечают и быстрое восстановление города.

Наличие в Москве княжеского двора вело к аккумуляции здесь значительной части общественного продукта, взимаемого в виде дани, других прямых и косвенных налогов с населения. Эти средства можно было использовать на строительство и расширение княжеского хозяйства. В конце XIII в. первый московский князь Даниил Александрович основывает к югу от Кремля Данилов монастырь. Рядом стояло с. Даниловское. Завещание 1336 г. сына Даниила Ивана Калиты фиксирует находившиеся к северу от Кремля княжеские села Дегуниное, Трифоновское и Напрудское. Близ современной Остоженки, к юго-западу от крепости, стояло с. Семчинское. Но особенно много княжеских сел располагалось на юг от Кремля, по течению р. Москвы, где были плодородные пашни, зеленые луга и богатые рыбой речные устья. Среди таких сел – Ногатинское, Коломенское, Копотенское, Островское, Орининское, Михайловское, Малаховское, Константиновское¹⁷. Город влиял на развитие ближайшей сельской округи, и, когда случались голодные годы, как было, например, в 1422 г., хлеб в Москве стоил в 2 раза дешевле, чем в Костроме, и в 6 раз дешевле, чем в Нижнем Новгороде, не имевших столь развитой системы околгородных сел, как Москва¹⁸.

Вместе с тем далеко не все получаемые средства московские князья вкладывали в строительство города или расширение собственного хозяйства. Политические и личные амбиции способствовали вовлечению их в разного рода союзы, войны и походы. И тогда средства и усилия концентрировались не на городском строительстве, а на создании и организации военных сил, закупке и изготовлении вооружения, походных шатров и провианта на время осад или военных экспедиций. Характерно, что кроме постройки Данилова монастыря источники не отмечают никакого другого строительства ни в Москве, ни в примыкавшей к ней округе вплоть до середины 20-х годов XIV в.

Изменения наступают при князе Иване Калите, когда, по словам летописца, «бысть отголѣ тишина велика на 40 лѣтъ»¹⁹. «Отголѣ», т.е. с 1328 г., когда московский князь получил ярлык хана Золотой Орды Узбека на Владимирское великое княжение. 40 лет не были временем мирной тишины для русских княжеств, в том числе Москов-

ского. Иван Калита в 1328 г. предпринял далекий поход на Псков, где укрывался его политический противник тверской князь Александр Михайлович. В 1333 г. Калита воевал с Новгородом Великим, а в 1335 г. – с Литвой. В 1339 г. под давлением Орды он вынужден был совершить поход на Смоленск. Его преемник на московском столе старший сын Симеон Гордый в 1340 г. выступил против Новгорода, а в 1351 г. организовал поход против Смоленска²⁰. Тем не менее все эти походы и войны не затронули собственно Москвы. Для города они действительно стали временем длительной передышки от военных противостояний и нападений, сказавшейся на всех сторонах городской жизни.

Уже в 1326 г. в Кремле началось строительство каменного Успенского собора. Он возводился на средства митрополии, но окончание работ финансировалось крупными боярами и великим князем. В августе 1327 г. собор построили. В 1329–1333 гг. в Кремле возвели еще четыре каменные церкви, в том числе Архангельский собор. Первые каменные здания в Москве были весьма скромными по своим размерам. Достаточно сказать, что церковь Иоанна Лествичника построили за 102 дня. Всего 61 день потребовался для возведения церкви Поклонения вериг апостола Петра. Правда, эта церковь строилась как придел Успенского собора²¹. Но в течение почти 15 лет эти церкви не могли украсить фресками, видимо, не хватало или средств, или мастеров, а, может быть, и тех, и других вместе. Только в 1344–1346 гг. каменные церкви, построенные при Иване Калите, были расписаны, причем если Успенский собор расписывали мастера греческие, то остальные храмы – русские²². Очевидно, в Москве появились собственные каменщики, а несколько позднее и собственные иконописцы. Зимой 1339/40 г. был построен новый деревянный Кремль²³. Завещания 1336–1359 гг. московских великих князей Ивана Калиты, его сыновей Симеона Гордого и Ивана Красного позволяют говорить о работе в Москве ювелиров, изготавливавших дорогие мужские и женские украшения, золотую и серебряную посуду; оружейников, делавших для князей золотые чичаки (шлемы) и сабли; портных, шивших из привозного шелка или сукна князьям и их детям зимние и летние одежды, украшенные драгоценными камнями и металлами²⁴. Летопись сообщает о появлении в Москве в 40-е годы XIV в. колокольного мастера Бориса. Он был настолько известен, что его приглашали лить колокола даже в Новгород Великий²⁵.

Свидетельства письменных источников подкрепляют сохранившиеся памятники культуры. Характерно, что самые древние из них датируются именно временем «тишины великой». Это три ранние иконы, две из которых посвящены Спасу, что не случайно, поскольку до постройки Успенского собора главным храмом Москвы была церковь Спаса²⁶. Это и написанные в 40–50-е годы XIV в. три евангелия, украшенные виртуозно исполненными миниатюрами, буквами в так называемом зверином стиле, а Евангелие 1344 г. – еще и богатым переплетом, на серебряных пластинах которого два искусных резчика изобразили Христа и евангелистов²⁷. Археологические находки свидетельствуют, что во второй четверти XIV в. происходят большие изменения в развитии московской керамики. На смену толстостенной керамике из глины грубого помола приходит более изящная, изготовленная из глины тонкого помола красноглиняная керамика, обжигавшаяся уже не в печах, а в горнах. Появляется поливная керамика в виде украшенных поливой сосудов домашнего обихода, ритуального назначения, а также поливных плиток, применявшихся в строительстве, в частности, при настилке полов в храмах²⁸. Ярким показателем роста московского ремесла в тот период явилось сооружение в 1366–1368 гг. белокаменного Кремля, значительно превысившего своими размерами прежнюю крепость и по площади лишь немногим уступавшего Кремлю современному²⁹. Уже полтысячи лет стоит Московский Кремль, сложенный из красного кирпича, но в народной памяти сохраняется образ Москвы белокаменной, столь велико было воздействие на сознание людей этого Кремля князя Дмитрия Донского – в продолжение многих десятков лет единственной каменной крепости на всем русском Северо-Востоке.

Расширялась и более плотно застраивалась территория города и вне кремлевских

стен. Как свидетельствует Житие митрополита Алексея, этот глава русской церкви основал на восток от Кремля на левом берегу р. Яузы Спасский монастырь. Он был построен в память благополучного исхода плавания митрополита по Черному морю. Морское путешествие Алексея из Константинополя на Русь происходило в 1356 г. Корабль пристал к берегу 16 августа, когда праздновалось перенесение Нерукотворного образа Иисуса Христа из Эфеса в Константинополь. Поэтому обетный монастырь и стал называться Спасским³⁰. Его основание относится к концу 1357–1358 г., после поездки митрополита Алексея к ордынскому хану Бердибеку (1357–1359 гг.) и до отъезда главы русской церкви 6 января 1359 г. в западные епархии своей митрополии³¹, где литовский князь арестовал его и держал в заточении почти год. По имени своего первого настоятеля Андроника монастырь впоследствии стал называться Спасо-Андрониковым.

Под 1393 г. Н.М. Карамзин поместил в «Истории государства Российского» выдержку из летописи о кончине Алексеевской игуменьи Ульяны, которая была «от града Ярославля», монашествовала «лет боле 30» и была «общему житию женскому начальница»³². Такое сообщение отсутствует в известных в настоящее время летописных сводах. Скорее всего оно было заимствовано Н.М. Карамзиным из утраченной в 1812 г. в занятой французами Москве пергаментной Троицкой летописи. Эта летопись – московская по своему происхождению. Точная запись о кончине игуменьи женского монастыря может относиться только к московской настоятельнице. Речь, судя по определению «Алексеевская», идет о настоятельнице московского женского Алексеевского монастыря, стоявшего на месте нынешнего храма Христа Спасителя. То, что Ульяна монашествовала 30 лет, свидетельствует о создании в Занеглименье этого монастыря около 1363 г.

Под 1365 г. летопись называет такие части города, как посад, Загородье и Заречье³³. Заречье – позднейшее Замоскворечье. Посадом, а в XV в. Большим, или Великим посадом, называлась часть города по левому берегу р. Москвы ниже Кремля, примерно до территории современной гостиницы «Россия». К северу от реки посад ограничивался ул. Варьской (Варварской). Загородьем называлась территория, начинавшаяся от Варварской ул. и шедшая далее на север до р. Неглимы. В Загородье стоял Никольский монастырь, давший название современной Никольской улице³⁴. Таким образом, посад и Загородье были частями территории будущего Китай-города, т.е. остальной части кремлевского плато, непосредственно примыкавшей с востока к Кремлю и в XVI в. ставшей второй московской крепостью. Как показали археологические раскопки и наблюдения, в первой половине XIV в. территории посада и Загородья были застроены уже достаточно плотно³⁵.

Вместе с тем эпоха Дмитрия Донского стала для Москвы временем и тяжелых испытаний. В 1368 и 1370 гг. город осаждался великим князем литовским Ольгердом. Хотя ему удалось захватить и частично уничтожить московский посад и другие поселения вокруг Кремля, новую каменную крепость ему взять так и не удалось³⁶. Однако в 1382 г. Кремль был вероломно захвачен ордынским ханом Тохтамышем. Примерно четверть населения Москвы погибла, значительная часть была уведена в плен³⁷. До 1389 г., когда скончался князь Дмитрий Донской, в Москве не отмечается нового строительства. Попытка построить в 1394 г. новую оборонительную линию от Кучкова поля до р. Москвы, состоявшую из рва шириной около 2 м и глубиной около 1,5–2 м, с целью обезопасить в военном отношении восточную границу посада и Загородья, закончилась ничем: ров бросили копать на полдороге. «И много бысть убытка людемъ, – с досадой отмечал московский летописец, – поне же поперекъ дворовъ копаша и много хором розметаша, а не учинише ничто же»³⁸. Не сохранилось и никаких памятников материальной или духовной культуры от того времени, хотя от более раннего периода «тишины великой» они, как указывалось выше, есть.

Город начал оживать примерно через 20 лет после Тохтамышева разорения. В начале XV в. на великокняжеском дворе в Кремле был построен Благовещенский собор, расписанный в 1405 г. Среди иконописцев был ставший позднее знаменитым

Андрей Рублев. В 1404 г. рядом с собором была построена башня с часами. В 1412 г. в селе Дорогомилове, находившемся близ правого берега р. Москвы на дороге в Можайск и Смоленск и ставшем московской резиденцией ростовских архиепископов, была возведена Благовещенская церковь. В 1425–1427 гг. был сооружен Спасский собор в Андрониковом монастыре³⁹. Очевидно, строить стали не только внутри Кремля, но и за его пределами, хотя в 1408 г. Москва вновь пострадала от татар, на сей раз от Едигея. Правда, Кремля Едигей, несмотря на трехнедельную осаду, взять не сумел. Строительство в разных частях Москвы до и после Едигеева нашествия указывает на определенные изменения в топографии города, и свидетельства XV в. это подтверждают.

Сохранился документ, получивший в литературе название «Московская запись о душегубстве». Он датируется временем около 1456–1461 гг. Из содержания этого документа следует, что некоторые из записанных в нем установлений были приняты раньше, по меньшей мере в 1425–1433 гг. Эти установления отразили процессы, протекавшие в первой четверти XV в., в частности процесс освоения городской территории. Из анализа второй статьи «Московской записи» выясняется, что вне Кремля наиболее плотно был заселен участок по левому берегу р. Москвы до современной гостиницы «Россия» включительно. Проходившая здесь улица недаром называлась Великой. Достаточно плотно был заселен участок от ул. Варварской до р. Неглимы и Стретенки. Это были участки позднейшего Китай-города. Далее население сосредоточивалось у устья Яузы, расселяясь по ней до Андроникова монастыря. Редко были заселены Замоскворечье и Занеглименье⁴⁰. Интересно, что москвичи в конце XIV – первой половине XV в. неохотно селились к западу и к югу от Кремля, хотя условия для ведения хозяйства там были лучше. Очевидно, сказывалась боязнь военных нападений со стороны Литвы и Орды, подходивших к Москве с запада и с юга.

Топография средневековой Москвы в некоторой степени отражала социальную дифференциацию горожан, хотя господствовавшие в нашей литературе в 40–60-е годы XX в. представления о четкой классовой противоположности населения крепости, где жили князья с их светским и духовным окружением, и населения посада, состоявшего из простых ремесленников и торговцев, нельзя признать корректными. В Кремле стояли дворы не только великого князя, его родственников, бояр, митрополита и причетников кремлевских соборов, но и дворы княжеских холопов, торговцев, правда, принадлежавших к купеческой верхушке города, простых ремесленников, следы различной производственной деятельности которых фиксируют археологические находки в Кремле последних лет.

В то же время на посаде наряду с дворами купечества, высший слой которого состоял из сурожан (гостей), торговавших с южными странами, и суконников, торговавших с западными соседями Московского княжества, дворами свободных ремесленников существовали и даже множились дворы высшей светской и духовной знати. Так, великий князь Василий Дмитриевич примерно в начале второго десятилетия XV в. построил себе «новый двор за городомъ у святого Володимера»⁴¹. Церковь святого Владимира стояла к северу от устья Яузы близ современного Старосадского пер. Около Кремля находился монастырь Рождества богородицы, которым владела вдова Владимира Андреевича Серпуховского Елена Ольгердовна. Ей же принадлежал участок земли у устья Яузы, где жили ее холопы⁴². В завещании 1461–1462 гг. князя Василия Темного упоминается каменный Егорьевский монастырь, давший название современному Георгиевскому переулку (за Домом Союзов). Его владелицей была Мария Голтыева, жена боровского князя Ярослава Владимировича⁴³. К 1454 г. монастырем св. Саввы на посаде около левого берега р. Москвы владел боярин П.К. Добрынский. Этот монастырь дал название современной Саввинской набережной⁴⁴. По-видимому, в Москве длительное время сохранялась та ситуация, которая хорошо известна по археологическим данным в Новгороде Великом: основной ячейкой городского расселения оставался боярский двор, где в хоромах жил его владелец, а в небольших избах на боярском дворе – зависимые от боярина люди, занимавшиеся ремеслом и об-

служивавшие господина. Расположение двора в крепости или за ее пределами имело при этом меньшее значение.

Высшая власть в Москве, как и в княжестве, принадлежала великому князю, а также другим членам московской княжеской фамилии. Они обладали правом суда, в том числе верховного, что существенно пополняло их казну: штрафы за уголовные преступления и выплаты по проигранным гражданским искам были весьма высоки. При этом наиболее опасные виды преступлений: душегубство (убийство) и татьба (воровство или ограбление) с поличным (захват на месте преступления) подлежали суду исключительно великого князя. Удельные князья разбирали такие дела не могли⁴⁵. Только князья имели право чеканки монеты (в Москве начали чеканить монету в последние годы правления Дмитрия Донского или в первые годы властвования его сына Василия) и право на сбор торговых пошлин: мыта – за провоз товара, тамги – за его продажу, осмничего – за его покупку. Эти денежные «городские волости» московские Калитовичи делили между собой и наследовали по долям. Так, в начале 20-х годов XV в. великий князь Василий Дмитриевич имел право на получение трети московской тамги, его четыре родных брата – по 12-й доле каждый; в пользу двоюродной тетки великого князя вдовы Владимира Серпуховского Елены Ольгердовны также должна была отчисляться треть тамги (после ее смерти каждый из пятерых сыновей Елены рассчитывал получить по 15-й доле этого важного московского налога)⁴⁶. Князья являлись и основными собственниками городской земли, где им принадлежали не только дворы, но и обширные сады, огороды, луга для выпаса скота. В частности, большим лугом, лежавшим по правому берегу р. Москвы и получившим название Великого, владели великий князь Дмитрий Донской, его сын Василий и внук Василий Темный⁴⁷. Рядовое население состояло из свободных ремесленников и купцов, но в основном – из временных или постоянных холопов, находившихся в услужении у знати и производивших все для нее необходимое.

Такова была жизнь Москвы в первой четверти XV в., времени, когда четко обозначился рост города, увеличилось его население, выросло международное значение столицы Московского княжества, в которой стали селиться выходцы из различных европейских и азиатских стран. Еще в 1390 г. летопись упоминает «нѣкоего арменина» Авраама. В истории Москвы имя Авраама запечатлелось благодаря грандиозному пожару, начавшемуся с его двора на посаде и охватившему тысячи дворов⁴⁸. Тот факт, что этот армянин имел собственный двор на посаде, говорит о том, что он был крупным иноземным купцом, имевшим в Москве постоянные торговые интересы. Появление часов и часовой башни в Московском Кремле в 1404 г. было связано с именем сербского монаха Лазаря. В 1406 г. в Москву приехал служить литовский князь Александр Иванович Нелюб со своим окружением, состоявшим из литовских и польских военных слуг⁴⁹. В Кремле в начале XV столетия источники называют Рахманов двор, а в Москве (возможно, вне Кремля) – двор Тютрюмов⁵⁰. Судя по именам владельцев, дворы принадлежали тюркам, возможно, выходцам из Золотой Орды. Поселение в городе иноземцев – признак возросшей международной известности Москвы, ее значимости в межгосударственных экономических и политических связях.

Все эти процессы были прекращены жестокой борьбой за верховную власть между московскими князьями, великим князем Василием Васильевичем, с одной стороны, и его дядей и двоюродными братьями – Юрием Галицким, Василием Косым, Дмитрием Шемякой – с другой. Борьба, тихо тлея вначале, приняла открытые формы в 1430 г. и сопровождалась вероломством, клятвопреступлениями, изменами, неоправданными арестами, пытками и убийствами с обеих сторон. Одним из итогов этой долголетней борьбы было то, что даже часть верхушки посадского населения Москвы – гости и суконники – покинула город и переселилась в Тверь⁵¹ в надежде, что там она сумеет избежать непредвиденные опасности и стабильно, без грабежей и конфискаций, заниматься торговыми операциями. Лишь с окончанием в 1450 г. активной фазы внутрдинастийной княжеской борьбы жизнь в Москве стала оживать, а население прибывать.

В уже упоминавшемся завещании великого князя Василия Васильевича некоторые старые московские села названы вместе «з дворы з городскими». Таковы Красное село, Семчинское, Сущевское, Напрудское, Ногатинское и Хвостовское⁵². Наличие на землях этих сел городских дворов свидетельствует как о существенном пополнении населения Москвы, так и о городской политике княжеской власти. Она представляла статус горожан лицам, селившимся вне собственно городских земель. География сел «з дворы з городскими» показывает, какие районы «большой» для того времени Москвы заселялись наиболее интенсивно. Преимущественно это север (села Напрудское и Сущевское) и северо-восток (с. Красное). В этих направлениях город успешно развивался еще в первой четверти XV в. Но городские дворы появляются и в селах, расположенных на юг от Кремля (Хвостовское, Ногатинское) и к юго-западу от него (Семчинское). Ранее эти районы заселялись слабо. Во второй же трети XV в. они, по-видимому, стали безопаснее, и горожане начали их осваивать. Примерно в это время появляется и ряд московских слобод, принадлежавших удельным князьям, боярам, крупным московским монастырям. Так, в 1474 г. упоминается слобода брата Ивана III дмитровского князя Юрия Васильевича, находившаяся на правом берегу р. Москвы, в районе современной Крымской набережной⁵³. Несколько ниже по течению р. Москвы, в районе теперешней Якиманской набережной, располагалась Колычевская слобода, принадлежавшая, судя по названию, известной боярской фамилии Колычевых. Большой московский наместник Ивана III князь И.Ю. Патрикеев основал слободу за р. Яузой, где построил себе Кузьмодемьянский монастырь. Речь идет о районе на левом берегу реки, близ ее устья. У р. Яузы стояла еще одна слобода, принадлежавшая видному деятелю второй половины XV в. князю В.В. Ромодановскому, служившему московскому династу князю Михаилу Андреевичу Верейскому и Белозерскому. Недалеко находилась Ильинская слобода, основанная властями Спасо-Андроникова монастыря⁵⁴. Показательно, что появившиеся слободы располагались на восток, север и юго-запад от Кремля. Несколько позднее проявила себя тенденция роста Москвы на запад. Под 1475 г. летопись впервые называет Арбат – ту часть города, где, по-видимому, чаще, чем в других местах, останавливались татарские купцы и послы. Именно они дали этой части Москвы привычное для них название: рабат (по-арабски – постоянный двор), переименованное москвичами в XV в. в Арбат⁵⁵. Характерно, что ни нарративные, ни документальные источники не фиксируют существования в это время в Москве никаких черных слобод и сотен, столь часто упоминаемых в последующие столетия. Очевидно, они позднего происхождения, что подтверждается не только умолчанием о них источников до XVI в., но и их расположением в тех частях города, которые заселялись явно позднее XIV–XV вв.

После окончания феодальной войны возобновилось каменное строительство. Первоначально оно велось лишь в Кремле. Строили по зданию в год и так, что через 20–50 лет все их пришлось перестраивать. Решительный перелом наступил во второй половине 70-х годов XV в. Этому способствовали два обстоятельства: во-первых, присоединение к Москве других русских княжеств и земель, что дало возможность московскому великому князю конфисковать в свою пользу колоссальные средства, и во-вторых, приезд в Москву многочисленных архитекторов и строителей из Пскова и Новгорода, но главным образом из Италии. Первым из приехавших итальянцев был Аристотель Фьераванти из Болоньи. В 1475–1479 гг. он воздвиг сохранившийся и поныне Успенский собор, который поразил москвичей своими размерами, архитектурным совершенством, светлостью и чистотой звука внутри здания⁵⁶. Фьераванти был выдающимся мастером, и Иван III платил ему жалованье 10 руб. в месяц, что по тем временам считалось немалой суммой, ведь за 16 руб. тогда можно было купить село с пожнями, лугами и лесом⁵⁷.

Стояние на подступах к Москве в 1480 г. с большим войском хана Большой Орды Ахмата показало необходимость перестройки московских укреплений. Именно это и стало причиной строительства нового Московского Кремля⁵⁸. Оно связано с именами нескольких итальянских зодчих. Среди них самым известным был миланец Пьетро

Антонио Солари, в 1490–1493 гг. осуществивший наиболее сложные работы по постройке московской крепости⁵⁹ и оставивший мемориальную доску о своих делах на Спасской башне Кремля.

Примерно в часе ходьбы от новых кремлевских стен на берегу р. Москвы, в районе современной Краснопресненской набережной, еще рос лес. Поселившийся там в 1491 г. крестьянин Савва Никифоров должен был, по свидетельству данной ему жалованной грамоты, «собе двор ставити, а лес сечи, и розселивати»⁶⁰. Тем не менее в начале XVI в. Кремль и перестроенный центр города, где жилые постройки отодвигались от крепостных стен, а размеры улиц начали стандартизироваться, уже приобретали европейский вид. В Москву приезжали послы из Чагатайского улуса и от Ливонского Ордена, из Грузии и Каянской земли, Ватикана и Венецианской республики, из Дании и ганзейских городов, от императора Священной Римской империи и турецкого султана⁶¹. Преобразившаяся Москва стала местом важных международных встреч и переговоров. Из когда-то маленькой крепости на Кремлевском холме она превращалась в достойную столицу самого крупного государства Восточной Европы.

Примечания

¹ Бойцов И.А., Гунова В.С., Кренке Н.А. Ландшафты средневековой Москвы: археолого-палинологические исследования // Изв. Академии наук. Сер. геогр. 1993. № 4. С. 61–64, 68.

² Полн. собр. русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. II. СПб., 1908. Стб. 339.

³ Русская летопись с Воскресенского списка. Ч. 1. СПб., 1793. Первое упоминание о Москве в Воскресенской летописи имеет несколько иной вид: «Буди, брате, ко мнѣ на Москву» (ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856. С. 38). В Воскресенскую летопись известие о Москве попало из ее источника – Московского свода 1479 г. (Ср.: ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 39). Текст свода 1479 г. восходит к Киевскому своду 1198 г., отразившемуся и в Ипатьевской летописи. См.: Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 288, 290, 293.

⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 329.

⁵ О политических и военных событиях 1146–1147 гг. см.: Кучкин В.А. Юрий Долгорукий // Вопр. истории. 1996. № 10. С. 41–42.

⁶ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 147.

⁷ ГИМ. Муз. № 288 б. Л. 90 об. Ср.: ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 225.

⁸ Платонов С.Ф. О начале Москвы // Платонов С.Ф. Статьи по русской истории (1883–1902). СПб., 1903.

⁹ Рабинович М.Г. О древней Москве. М., 1964. С. 22–23.

¹⁰ Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 105. М.; Л., 1961. С. 102, 108.

¹¹ Юшко А.А. О междукняжеских границах в бассейне р. Москва в середине XII – первой трети XIII в. // Сов. археология. 1987. № 3. С. 88–90; Зайцев А.К. О малоизвестных поселениях Подмосквья первой трети XIII в. (Голубино, Волочек и Уполозы) // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С. 65–68.

¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 600.

¹³ ПСРЛ. Т. I. Л., 1926–1928. Стб. 369.

¹⁴ То, что поселения могли получать вторые названия по именам не владельцев, а держателей или управителей, известно. Так, в XV в. с. Горки в митрополичьей Селецкой вол. Московского у. получило второе название Якишило от прозвища Якова Якишила, которому митрополит дал это село во временное поместное держание. См.: Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков (далее – АФЗ и Х). Ч. I. М., 1951. № 53. С. 65–66.

¹⁵ Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текста М.А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 81, 175–176.

¹⁶ Клад 1988 г. издан в: Наследие варягов. Диалог культур. Стокгольм, 1996. С. 107–120. К сожалению, издавшая клад Т.Д. Панова без каких-либо доказательств приписала его младшему сыну великого князя владимирского Юрия Всеволодовича Владимиру, будто бы княжившему в Москве (с. 109). Москва в тот период княжеским центром не являлась. См.: Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 116–119.

¹⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950 (далее – ДДГ). № 1. С. 7–8.

¹⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 245.

¹⁹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Пг., 1922. Стб. 44.

- 20 Там же. Стб. 45, 51–53, 61–62; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее – НПЛ). С. 99, 347; Псковские летописи. Вып. I. М.; Л., 1941. С. 16–17.
- 21 ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 42, 44, 45, 47; Т. XVIII. СПб., 1913. С. 91.
- 22 ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 55–57.
- 23 Там же. Стб. 51.
- 24 ДДГ. № 1, 3, 4. С. 7–10, 14, 16, 18.
- 25 ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 57; НПЛ. С. 354.
- 26 *Смирнова Э.С.* Московская икона XIV–XVII вв. М., 1988. С. 7–8.
- 27 *Вздорнов Г.И.* Искусство книги в древней Руси. М., 1980. С. 67–77.
- 28 Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991; *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994. С. 60, 63, 116–117, 161.
- 29 ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 83.
- 30 *Кучкин В.А.* Из литературного наследия Пахомия Серба // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 247–248.
- 31 Там же. С. 247; ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 66, 68.
- 32 *Карамзин Н.М.* Указ. раб. Т. V. М., 1993. С. 317.
- 33 ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 80.
- 34 ПСРЛ. Т. XXV. С. 300.
- 35 *Бойцов И.А.* К вопросу о росте Москвы в XII – первой половине XV в. // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1992. № 2. С. 89–95. Рис. 2, 3.
- 36 ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 89–90, 94.
- 37 Там же. Стб. 144–146.
- 38 ПСРЛ. Т. XXV. С. 221.
- 39 *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 459; ПСРЛ. Т. XVIII. С. 281 (выписка Н.М. Карамзина из статьи 6912 г. Троицкой летописи), 161; *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. II. М., 1962. С. 325, 330.
- 40 Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (далее – АСВР). Т. III. М., 1964. № 12. С. 27, 28.
- 41 ДДГ. № 21. С. 58.
- 42 Там же. № 28. С. 72.
- 43 Там же. № 61. С. 195.
- 44 АФЗ и Х. Ч. I. № 29. С. 48.
- 45 АСВР. Т. III. № 12. С. 27, 28.
- 46 ДДГ. № 22. С. 60; № 17. С. 46, 50.
- 47 Там же. № 12. С. 33; № 22. С. 60.
- 48 ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 158.
- 49 ПСРЛ. Т. XVIII. С. 151.
- 50 ПСРЛ. Т. XXV. С. 233.
- 51 ДДГ. № 36. С. 102, 104.
- 52 Там же. № 61. С. 194–196, 198.
- 53 ПСРЛ. Т. XXVIII. М.; Л., 1963. С. 139.
- 54 ДДГ. № 86. С. 348; № 89. С. 354, 358.
- 55 ПСРЛ. Т. XXV. С. 304; *Добродомов И.Г.* Арбат (этимологический этюд) // Топонимика и межнациональные отношения. М., 1991. С. 95–108.
- 56 ПСРЛ. Т. XXV. С. 324.
- 57 ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 199. О цене села в 1468–1478 гг. см.: АСВР. Т. I. М., 1952. № 386. С. 280–281.
- 58 *Флоря Б.Н.* Русские посольства в Италию и начало строительства Московского Кремля // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. III. М., 1980. С. 12–17.
- 59 ПСРЛ. Т. XXV. С. 331, 332.
- 60 АФЗ и Х. Ч. I. № 34. С. 51.
- 61 *Хорошкевич А.С.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 89, 90, 93, 95, 137, 140–142, 178, 179.

V.A. K u c h k i n. Moscow: from a frontier fortress to the capital of the Russian state

A brief outlook on the history of Moscow, on the basis of narrative sources and archaeological materials, is presented.